

Эдуард Поздышев

Эд и Шут знает кто

18+

Эдуард Вячеславович Поздышев

Эд и Шут знает кто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61774323

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть написана от лица человека, жизнь которого, по его мнению, не удалась. Но после неожиданной встречи с загадочным стариком он получил возможность иначе взглянуть как на прожитые годы, так и на своё настоящее и, казалось бы, не слишком радужное будущее.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	27
Глава седьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эдуард Поздышев

Эд и Шут знает кто

Глава первая

Я – Эд. А он – да шут его знает, кто он. Подошёл, разбудил, предложил кофе. Я, конечно, продрог, так как спал на скамейке в сквере, однако спасибо ему не сказал. А он не поздоровался, хоть я по-привычке и протянул ему руку. Так что мы квиты. Я привык первым здороваться и никак не могу отвыкнуть. А он, видимо, привык угощать кофе кого ни попадя.

Впрочем, и не помню, пил ли я этот кофе, но помню, что сразу согрелся, так что скорей всего выпил.

И не спросил даже, как его звать, а он почему-то знал, что я Эд и называл меня так, когда приносил свой кофе.

* * *

- А, это ты. Ну привет, что ли?
- Выпей кофе, Эд. Замёрз, наверное.
- Конечно, замёрз! А как ты думал?
- Я не думаю. Я знаю... обычно.
- И что же ты знаешь сегодня?

– Да ничего конкретного кроме того, что тебе надо согреться.

– Так принёс бы тогда грамм сто чего-нибудь.

– Здесь – двести. А вина, водки и прочей гадости я не пью.

– Я тоже... Это я... так...

– Я знаю.

– Да знаю я, что знаешь. Вот только жена моя не знает.

– Нету у тебя никакой жены.

– Ну нету – значит, нету. Тебе-то что?

– Ничего, – ответил Шут и побрёл восвояси.

* * *

– На, выпей, – предложил Шут своё кофе.

– Привет! Не хочу.

– Надо.

– Уверен?

– Да.

– Ну ладно.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Что вовремя проснулся. Дождь сейчас начнётся. Промок бы.

– На спасибо напрашиваешься – не дождёшься.

– Тогда пошли.

– Куда это?

– Тебе какая разница? Я знаю куда.

– Ладно. Пошли.

* * *

Там было много места. И много помещений, казавшихся заброшенными. Так что мы могли по несколько дней не видеть друг друга. Поэтому-то я и согласился там поселиться. Шут сказал, что знает. Вот я и поселился.

Через то место проходила теплотрасса, и в помещениях были тёплые батареи. Мне повезло найти комнату с дверью, правда, без замка, но хоть что-то. И запах понравился – не воняло бомжами. Исследовав помещение и лежак у батареи, смог вполне увериться, что и насекомых там не было. С тех пор и спал на шатком лежаке из четырёх почти целых табуреток, застеленных всякой рваниной, обнявшись с батареей, отчего почти не замерзал. Помещение было без окон, и сквозняка я не чувствовал. К тому же, похоже, только в наших с Шúтом комнатках было электричество. На мои распросы, откуда всё это, Шут ничего не ответил.

Более того – имелась там и душевая. Старая, сплошь покрытая и провонявшая плесенью, со сбитой плиткой и ржавыми трубами. Вентили отсутствовали, но на стене, на ржавом гвозде висели ржавые пассатижи. Вода едва струилась и тоже была ржавой, но всё же хоть как-то получалось помыться и простирнуть своё бельишко.

В комнатке у меня стоял древний громоздкий стол – не знаю, как его туда втащили.

А на столе – каждое утро свежий кофе. Оказывается, у Шута была кофемашина.

* * *

Вообще здание напоминало какой-то старый бесхозный завод. И сначала я думал, что нам с Шутом просто повезло с комнатами. То есть – электричество, тепло и всё такое. Да ещё и никто нас не доставал – ни обкурившиеся малолетки, ни бандюганы и разные, там, отморозки, ни прочие гости и постояльцы этого странного места. Но Шут сказал, что он заранее об всём знал, поэтому там и поселился.

Правда, порой захаживали бомжи, но почему-то они облюбовали себе местечко в другом крыле здания, где совсем не было никаких удобств и где они спали на массивных трубах теплопровода. Там же иногда тусовались подростки, но к нам они не совались.

* * *

Иногда он приходил и быстро уводил меня оттуда. Чаше по ночам. В это время до нас доносились разные пугающие звуки: то полицейской сирены, то каких-то пьяных разборок,

а то и пистолетных выстрелов. По возвращении наблюдался некоторый беспорядок. Разбитые лампочки и свежие капли крови на полу. Но кофемашина Шúта всегда оставалась целой и невредимой.

* * *

У Шúта был старенький мобильник. Когда ему кто-то звонил, он приходил за мной, и мы шли в небольшой продуктовый магазин поблизости, директор которого была очень доброй и приятной женщиной. Это она звонила, чтобы позвать нас подсобить с погрузкой-разгрузкой продуктов либо с уборкой территории. Обычно нас кормили обедом и кое-что давали с собой. И в подарок хозяйка всегда вручала Шúту пачку хорошего кофе, кое-какие моющие средства и пакет с лампочками.

Глава вторая

Шут казался стариком, но не жаловался на здоровье. Был он в меру худой, довольно прыткий, на вид ухоженный, опрятный, чуть лысоват, седовлас, но всегда подстрижен, и с небольшой седой бородкой.

Я тоже не молод, но странно, что находясь рядом с ним, я постоянно чувствовал себя прекрасно.

* * *

Временами он заходил ко мне попить кофе, и мы разговаривали. Как-то я сказал ему:

– Знаешь, я зарёкся спрашивать, как тебя звать, да и не буду из вредности. Меньше знаешь – крепче спишь. Но вот ты, я вижу, не в ладах со сном... Ой, прости, не сдержался!.. Да пару раз всего... До нужника и обратно.

Дело в том, что однажды он попросил меня не ходить к нему по ночам. Я, конечно, обещал, так как больше ни о чём он меня не просил, и, собственно, почитай ни разу и не нарушил своего обещания. Всего лишь проходил мимо. Его комната располагалась далеко от моей. И где-то там находился туалет с исправной канализацией – мне же зачастую приходилось выбегать на улицу. И всегда у него горел свет.

– Шут знает, как меня зовут, – усмехнувшись, ответил он.

– Так и я о том же, – сказал я. – Значит ты не против быть

Шу́том?

– Да хоть шуто́м.

– Ладно, дед, замётано!

* * *

Обычно Шут говорил мало. На вопросы отвечал односложно. Спрашивать – почти ни о чём и не спрашивал. Но иногда, очень редко и неожиданно, произносил длиннейшие монологи, для меня почти непонятные, говорил при этом сбивчиво и витиевато. Вероятно, он очень много думал, прежде чем решиться на подобный разговор.

Как-то вечером позвал меня к себе и сходу начал говорить.

В его комнате тоже не было окон. Дверь не запиралась. Кровать всегда была заправлена. А перед небольшим круглым столом стояло кресло и пара стульев. В одном из углов располагалась кофемашина.

– Знаешь, Эд, – начал он, упав в кресло и кивнув мне на стул, – я тут подумал... В общем, о жизни. Жизнь, знаешь ли, – это непрерывный выбор. Вчера одно, сегодня другое, а завтра... Ведь скучно тебе, наверное... Изю дня в день одно и то же... Должно быть, не очень интересная у тебя жизнь.

Я слушал молча, не перебивая. Такими вечерами мне бы-

ло в кайф просто посидеть на крепком, мягком стуле, вытянув ноги и втихаря подрёмывая под его старческие мудрёные разглагольствования. Не скрою, поначалу я завидовал ему, что у него такие стулья. И даже позлился было, что он никак не соглашался на кажущийся мне справедливым обмен. Ведь я предлагал ему целых две табуретки за один стул. Но хозяин – барин. Ничего не попишешь!

– Так я что подумал, – продолжал он. – Может хватит тебе мечтать о стуле, а задаться какой-нибудь определённой целью? Ну, там... Захотеть чего-то большего.

«Ага, – тянулось в моей сонной голове. – Кресло, пожалуйста. И – кофе с сахаром».

– Променять жизнь на кресло с сахаром не так уж и сложно, на самом-то деле, – ворковал дед. – Да только обратно уже не получится. Жизнь течёт и утекает. И только вперёд. А назад – никак. Вот ведь какая штука! Надо остановиться на чём-то одном. Чтобы жизнь наполнялась, а не растекалась попусту. Та унылая конура, в которой ты живёшь, не заменит тебе дом, если её не озарит настоящая живая мечта.

«Ну хотя бы кровать отдай – всё равно ведь на ней не спишь. – Думал я. – А кресло... Хрен с ним! Оно твоё по праву. Да тебя разве с него сгонишь? Ишь! Сам сутками не вылезает, а ещё учить меня вздумал, старый хрыч!»

Я давно уже прочухал, что он телепат, но не стеснялся при нём думать, о чём хотел.

Затем он вовсе ударился во что-то книжное. Что-то всё

цитировал на каком-то мало понятном языке, сопровождая каждую цитату словами, типа: «А ведь сказано» или «сказано же». Кем сказано? Что сказано – хоть бы перевёл для приличия! В общем, я не заметил, как заснул.

Проснулся уже в своей комнате, лёжа на кровати Шута. «Вот ведь пройдоха!» – теперь мне по-настоящему было стыдно.

И с тех пор кофе по утрам мне подавали с сахаром. Правда на поведение Шута и на наши с ним отношения это никак не повлияло.

Глава третья

На следующий день после случая с кроватью я спросил у него:

– Послушай, Шут, а ты все что ли мысли читаешь?

– С чего ты взял, что я читаю мысли? За кого ты меня принимаешь? Если за телепата какого, то, поверь, ты сильно ошибаешься.

– Ладно. Проехали. Я верю, верю! Ведь ты же у нас всё знаешь.

– Не всё знаю, – сказал он. – Просто – знаю.

– А ты случаем не поп? – поинтересовался я. – Эка ты вчера как по-славянски шпарил! Расстрига что ли? Или пенсионер?

Шут сделал вид, что не услышал вопроса.

Примерно с четверть века назад я какое-то время алтарничал при одном храме и иногда читал на клиросе. Порой благословляли на Апостол. И, конечно же, я имел – правда самое смутное – представление о языке, на котором, возможно, он и забросал меня вчера своими цитатами. Но в тех псалмах, кои обычно приходилось читать, я не припомню и слова из того, что он произносил. Да только что вспоминать, коль я уже дрых без задних ног? И ещё этот финт с кроватью...

– А может, ты этот... Как его?.. Чудотворец, а? – не от-

ставал я.

Дед лишь хихикнул, махнул рукой и ушёл к себе.

* * *

Однажды ночью мне не спалось, хоть и порядком устал, весь день болтаясь по городу. Давила темнота, потому что отключили свет. Там, где мы жили, всегда было как-то мрачно и тревожно. Поэтому я обзавёлся ночником... Ну, нашёл на помойке. И ещё, как раз для таких случаев, у меня имелся фонарик – это уже сам прикупил в фикс прайсе.

Было довольно жутковато, и совершенно позабыв про своё обещание, я решил наведаться к соседу, почему-то уверившись, что он тоже не спал. Но через несколько шагов вдруг в ужасе замер, услышав заунывное протяжное пение. Причём было явно, что пел не один человек. Подкравшись поближе к соседской комнате, увидел тусклый свет, мерцающий из чуть приоткрытой двери. По старой памяти, я безошибочно узнал церковное пение, почуял запах восковых свечей и курящегося фимиама и явственно различил в полумраке выплывающие из комнаты клубы благоухающего дыма. Постояв какое-то время невдалеке и вслушиваясь в то, что там пели, внезапно был ошарашен до боли знакомым, некогда и накрепко вгрызшимся в мой мозг «Ис полла эти, дэспота» – песнопением, что с далёких времён недолгой моей церковной жизни до сих пор пугающе ассоциируется у

меня с архиерейской службой. Я знал, что в переводе с греческого оно и означает многолетствование присутствующему на службе архиерею. И помнится, что до жути не любил, когда в наш храм приезжал епископ. Не, я ничего не имею против всякого там благолепия! И даже готов согласиться, что на нашей грешной земле вряд ли что-то может быть выше вот такого молитвенного предстояния. Но мне почему-то никогда не были по душе все эти слишком затянутые и чересчур торжественные богослужения. Впрочем, кроме этих запомнившихся слов я более так и не смог ничего понять из того, что раздавалось из-за приоткрытой двери, из чего и заключил, что служить могли на древнегреческом.

Через некоторое время я всё-таки решился зайти. И войдя, был окончательно обескуражен как от увиденного, так и оттого, что успел ощутить за какую-то минуту моего пребывания там.

Комната явно преобразилась. Ни больше ни меньше – я очутился в самом настоящем алтаре: тут тебе и апсида, и горнее место, и фрески на стенах. И даже боялся оглянуться, чувствуя, как за моей спиной тоже что-то происходит, и что, вероятней всего, преобразилась не только комната. Каким-то непонятно как открывшимся зрением я словно видел и иконостас, и амвон, и своды храма, и стоящих в храме богомольцев. И внимал громогласному пению множества хоров.

Посередине же алтаря перед престолом предстоял мой сосед в облачениях самых что ни на есть архиерейских. А по-

зади от него по обе стороны стояли два величественных архидиакона, от которых исходил тёплый, приятный, но в то же время какой-то неприступный свет – так, что, вроде бы беспрепятственно впитывая его всем существом, хотелось навсегда остаться рядом с ними, чувствуя их могущество и ту несравнимую ни с чем любовь, что сообщал этот свет. Но одновременно с этим в душе возникал некий трепет, впрочем, без тени тревоги, а лишь как бы остепеняющий и побуждающий к готовности сделать всё, что повелят эти кажущиеся неземными существа. И почему-то при взгляде на них было особенно больно глазам, тогда как именно свет, исходящий от престола, казалось, насквозь пронизывал всех там стоящих.

Однако наиболее сильным из всех впечатлений, пережитых в ту памятную минуту, стало мимолётное блаженство, какое ощутил я тотчас, как переступил порог комнатки. Всего один незабываемый миг соприкосновения с абсолютным добром – так бы я мог описать это, на первый взгляд, незнакомое прежде, но в то же время очень простое и понятное чувство, разом напомнившее мне обо всём самом светлом и дорогом сердцу, что когда-то по-настоящему радовало и согревало, но, казалось, было безнадежно забыто.

* * *

Но после всех расчудесных мгновений случилось то, чего

и следовало ожидать. Очумев от такого обилия благообразия и не придумав ничего лучше, как разинуть рот и вытаращиться на столь величавого своего соседа, облик которого меня чуть не сразил наповал, я самым невинным и грубейшим образом выронил из рук и разбил фонарь.

Невольно отвлѣкшись, преосвященный машинально оглянулся. Но его взгляд, преисполненный спокойствием и природной скромностью, лишь отражал чудный свет, что пронизывал всё вокруг. И от этого нового всплеска меня вновь обдало волной тихой радости. Когда же он снова повернулся к престолу, моей персоной вдруг заинтересовалось одно из тех существ, неведомо откуда появившихся там в облике сослужащих владыке архидиаконов.

Может быть, я слишком поздно зажмурился, чтобы не видеть того, что, наверное, не по силам увидеть простому смертному. И глянув в огненную бездну осенившего меня взора, я тут же упал замертво.

Глава четвёртая

Я, конечно, читал – да и слышал, – что разное пишут и говорят об этом. И зачастую всё сводится к свету в конце тоннеля.

В моём же случае, наверное, этот свет на том свете, о котором обычно рассказывают вернувшиеся оттуда, был тем же самым, что я успел разглядеть за минуту до моей, как потом выяснилось, временной командировки в мир духов. Может быть, именно поэтому я и не удостоился узреть ни пресловутого тоннеля, ни даже собственного бездыханного тела и его знаменательного падения, так как дух из него вышибло до того, как оно рухнуло наземь. И, вероятно, всё потому, что там уже был оный свет и что скорей всего он и стал в ту минуту причиной приключившегося со мной. И вполне возможно – в пункте назначения я очутился прежде, чем сподобился умереть. Стало быть, зачем же тогда тоннель, коль обошлось и так? Думаю, в отличие от нашего, в том мире не бывает ненужных действий. И, должно быть, раз я всецело пребывал в этом свете, то кроме него вряд ли мог видеть хоть что-то. К тому же склонен предполагать, что, собственно, до самых что ни на есть загробных селений я так и не успел долететь. Ни рая тут тебе, ни ада, ни мытарств – хоть одним бы глазком! Даже с Ангелом-Хранителем так и не встретился. Ведь читал же когда-то об этом, в бытность алтарником, ко-

гда захотел было стать священником. Это детишек порой в алтарь арканом затаскивают. Взрослые же мужики частенько с одной лишь мечтой о священстве на это подписываются. Моя же мечта, знать, была хлипкой да липкой, вот и обломилось, после чего забил и на книжки. А так, конечно, любопытно бы было взглянуть. Однако не удостоился.

* * *

С одним лишь духом довелось повстречаться. Видать, не случайно меня туда закинули. Да и возможно ли там что-то случайное? Короче говоря, затем, видимо, и слетал, чтобы навестить, как навещают в больнице, свою давно позабытую матушку. Разве что больным, в данном случае, скорей оказался я, как почти всегда и бывало во всей моей загубленной жизни.

Был только свет и только она. И как будто во сне, хотя точнее следовало бы сказать – куда ярче, чем наяву! Как во сне – это то, что она говорила. В сущности, ничего нового – всё то же, что и при жизни. Ну и, пожалуй, когда снилась, отчитывая меня за беспутное поведение.

Наяву же было так, как никогда не случалось при жизни и даже во сне – то есть как, собственно, говорили, как слышали и понимали мы друг друга, те ощущения, которыми я был преисполнен, одновременно осознавая себя маленьким мальчиком и премудрым старцем, ощущая необы-

чайную лёгкость, полную ясность мыслей и чувств, удивительное по полноте самосознание и абсолютное видение себя, ведение всего, всех самых глубоких вещей и смыслов и при этом понимание как своего величия, так и, особенно, ничтожной малости этого понимания и всех вместе взятых ощущений, а также недостойнства перед чем-то, откуда всё это проистекало, одаривая невиданными знаниями и способностями, и радости упования на это что-то или, может быть, кого-то. Да и невозможно найти слов, способных объять и описать состояния, какие испытывал я в те минуты. Причём минуты – это условно. Я бы сказал – вечность и спокойствие.

Там вовсе не обязательно говорить – всё и так понятно. Как в присказке Шута: просто знаю. Лучшего определения и не придумать!

И ни о чём не нужно спрашивать. Словно постоянно находишься в сфере присутствия каких-то могущественных существ, подобных или даже несказанно более величественней выписавшего мне туда путёвку архидиакона. Покорность! И не то чтобы именно силе. Умиротворение в совершенном знании того, что нечто свершилось, но уже никогда не закончится. И непрекращающееся насыщение от сообщаемой светом любви.

* * *

При жизни я не питал особой любви к матери и не умел

по достоинству ценить её заботу. Но в том нетварном свете мне было дано почувствовать это. И там материнская любовь словно катализировала ответные чувства. Осознавая вину, я склонялся перед ней, обещая исправиться, изменив свою жизнь, и тем самым оправдать те возлагаемые на меня надежды, которые она хранила в сердце и с горем пронесла через жизнь.

После увещаний наступали мгновенья восторга. Я будто снова становился младенцем и видел её молодой и беззаботной. И внимая её неподдельной радости, и сам истинно радовался. И эти мгновения были для нас вечностью и спокойствием.

* * *

А потом я вернулся.

Глава пятая

В себя я приходил постепенно. То видел его, то вновь засыпал, чтоб увидеть её, но, кажется, больше не умирал. И опять видел его: как он сидел и дремал на своём стуле, как отпаивал меня своим кофе. И успел разглядеть, что я уже у себя в комнате, на кровати, и вроде бы всё – как всегда.

Когда погас свет, почувствовал, что снова наступила ночь. Вдруг услышал выстрелы, кто-то снаружи налетел на дверь и сполз вниз. Затем – вой сирены, крики и новые выстрелы. Но мне не было страшно, потому что я чувствовал присутствие соседа, и лишь с любопытством прислушивался, пытаюсь понять, что происходило за дверью. Почти до утра был слышен чей-то топот и раздавались громкие голоса. Что-то шуршало, что-то волокли по полу. И я снова забылся. Но утром, как обычно, зажёгся свет, и я обратил внимание на то, что в моей комнате оказались кресло деда и его кофемашина. Старик же всё сидел на стуле и дремал.

– Почему ты не увёл меня отсюда? – спросил я. – Нас могли застукать. И чего доброго – стукнули бы чем-нибудь.

– Ты прав, – ответил старик. – Мог один. Но не успел. А ментам было не до нас, потому что у них висяк.

– Откуда ты?.. А, ясно – знаешь, типа.

– Да нет. Просто подслушал.

– Хм, – подивился я. – Менты, висяк – ты и слов-то та-

ких знать не должен. Да и негоже произносить такие слова... святителям.

– Ты это о чём сейчас? – проморгался, наконец, сосед.

– Да о ментах, о ментах, успокойся! И о висяках, конечно... О чём же ещё?

Дед вроде успокоился и притих.

– Так слышь, дед, – начал я докапываться. – Откуда ты всё-таки слова эти знаешь? По фене, что ли, ботаешь?

– А слово «бомж» разве не грубо звучит? – неожиданно спросил он.

– Ну, согласен... А при чём тут?... И чё ты привязался ко мне с этим словом?!

Старик помолчал, а потом решил высказаться:

– Там, за дверью, один сначала шмальнул, потом крикнул: менты, менты! И убежал. Вскоре прибежали эти... Ну, менты, наверное. Потом ещё понаехало. Переговаривались, значит, между собой. Про висяк этот... Так что таким опытным бомжам, как мы с тобой, не трудно догадаться, что было дальше... Два плюс два сложить.

– Да, дед... А про «шмальнул» это тебе, конечно, висяк нашептал перед тем, как коньки отбросить?

– Не, в книжке одной вычитал. Про ментов.

– Ишь ты! В книжке, говоришь? И не из той ли книжки ты мне всё это впариваешь? Про ментов, которым, типа, не до нас? Где ты таких ментов видывал, чтобы из-под носа подозреваемых упускали? Вот они, пожалуйста – на блюдечке

с голубой каёмочкой, готовенькие, бери и дело стряпай. И они, типа, внимания не обратили! И место преступления по миллиметрику не обшарили – по части улики, там, или свидетелей!..

Я чуть не задохнулся от возмущения.

– Это – смотря какое дело. Дело, значит, такое, – заключил старик.

– Дело такое?! Да откуда ты знаешь про их дела?!

– Знаю.

* * *

– Не, это, конечно, аргумент... Эти твои «знаю», – сказал я, хлебнув свежеприготовленный кофе. – Особенно учитывая то, что недавно произошло.

– Что произошло? – не понял старик.

Я молча допил кофе и, поразмыслив, выдал сходу:

– Ты... Ну... Вы... Вы что, и правда – святитель?

– Чё?

– Да ничё. Проехали.

Внутри у меня всё дрожало – то ли от кофе, то ли так, по непонятной причине. Мне было неловко самому заводить эту тему. И я был виноват, что нарушил данное ему обещание. А там, возможно, тайна какая. Или и впрямь – чудо. Не моего, может, ума и дело. Но без его помощи мне явно не под силу было с этим разобраться.

– Не хочешь, ну и не говори, – пробурчал я и отвернулся к батарее.

А он вообще – взял и ушёл. Вернулся, правда, вскоре, но ко мне не зашёл. Повозился за дверью. Потом пропал на весь день.

* * *

Весь тот день я провалялся. Накатила злость. И всё мысли гонял по одному и тому же кругу: «Вот они, значит, какие пустынные в стиле модерн! Молятся себе втихаря в запредельных чертогах. И ангелы у них, вишь, теперь за вышибал. А у меня, типа, жизнь пропадающая. Жизнь, видите ли, у меня не такая! И что? Обкурили чем-то вкусненьким! Дали понюхать и отфутболили к мамочке. Даже Царства Небесного не показали. И чем они лучше тех бандюков, что квартиру мою оттяпали? Стакан налили, димедрола подсыпали, подпись выцганили и выперли вон, во тьму внешнюю. Хоть бы на посошок что оставили! А я-то, дурень, повёлся на сладенькое! И под чем подписался, и сам не помню – как за базар-то теперь отвечать? Ведь не какие-то там лопухи суеверные. Разве их уболтаешь? Сами кого угодно обкумарят. Думай вот теперь, как талант умножить... Да и где он зарыт-то, кабы знать? А не умножишь – айда в вечную долговую яму! Всё чётко, как в аптеке!»

Мысль об аптеке всколыхнула что-то в памяти. Заёрзало,

занялось, заняло. Чем-то приторно-сладковатым, терпким и унылым. Впрочем, мысль пока что казалась слаще, чем то, о чём вспомнилось. Однако не успев ей вдоволь насладиться, я снова с содроганием вспомнил о маме: «Что я ей там наобещал? И как это осуществить? Святителю, отче, куда ж ты запропастился?!»

* * *

Но вечером я уже с остервенением сошвырнул со стола ночник и решил рано утром убраться из этих мутных чертогов.

Глава шестая

Я проспал, проснувшись лишь оттого, что внезапно распахнулась дверь. В комнате горел мягкий свет, но поначалу я не придавал этому значения. В дверной проём еле протиснулся дед чуть ли не с дюжиной каких-то пакетов. Пакеты приземлились на стол, и только тут я заметил, что мягкий свет излучала настольная французская лампа, точно такая же, как в моей бывшей квартире, не упустив, конечно, из внимания, на чём она стояла.

– Ты никогда не отдыхаешь, – буркнул я спросонья, припомнив бойкую фразу из старого комедийного фильма, которую герой Жерара Депардьё отвешивал в адрес героя Пьера Ришара всякий раз, как тот привычно отмачивал очередной коронный номер трогательной встречи собственной черепашки с чем ни попадя. – Теперь понятно, зачем тебе митра.

Конечно, наезд был не по теме, ведь дед благополучно преодолел дверные косяки – пакетам разве немного досталось, что не так уже трогает за душу. Но разве можно отказать себе в удовольствии представить, как он волочит в беспроектном мраке оба стола (особенно тот старый да неподъёмный, казалось, намертво вросший в такой же древний пол моей комнаты), а также кровать и кресло с кофемашиной – сколько трогательных моментов можно себе навообразить!

И как он умудрился проделать всё это в присутствии спящего и не только не напугать его вусмерть или не лишить рассудка, но даже не разбудить? А про митру болтанул по инерции – впрочем, оговорки по Фрейду никто не отменял. Просто вспомнил про одного неутомимого батюшку, что при случае мог и в погреб – ласточкой, и с дверью из-за чего-нибудь не поладить. Да сам и рассказывал, что с детства у него была кликуха «Гипс». Правда, с людьми, кажись, ничего так ладил. Но шишки на лбу набивал знатные, что как-то епархиальный духовник возьми да и скажи ему: «Тебе бы – митру, как хоккеисту – каску!»

И я не спросил, откуда в комнате оказались вещи из моей квартиры, потому как стол, на котором стояла французская лампа, скорее всего, был ещё одной вещью из соседской коллекции, так что для мебельного гарнитура, чудесно переместившегося из покоев бывалого бомжа в мои, не хватало лишь последнего стула. Но как я раньше-то не заметил схожести его стола с некогда принадлежавшим мне?

Я вскочил и внимательно огляделся по сторонам. Да, пожалуй, всё, чем теперь было обставлено столь нескромное для начинающего бомжа пристанище, напоминало обстановку моего прежнего жилища! И этот стол, и кровать, и кресло, и даже стул. А такая лампа, да ещё и со светом!.. Вполне достаточно, чтобы снести крышу любому скептику без определённой крыши над головой – даже самому законченному преподу теории марксизма и дарвинизма, несмотря на ги-

потезу, что бывшими не бывают. И хоть и нередко случается, что именно из тех бывших, которым есть откуда выйти и куда вернуться, получают завзятые проповедники да истовые верующие, но и улица иногда приучает к излишнему скептицизму. И порой не хватает лишь какой-нибудь лампы с мягким светом, чтобы однажды, проснувшись, очнуться от вчерашних мыслей, осмотреться и что-то увидеть в совсем ином свете.

* * *

Как хорошо, что накануне я не наговорил сгоряча лишнего! И не потому, что сосед натаскал провианта. Просто когда надо в чём-либо разобраться, придёт своё время и для неспешного разговора. Не ради пустого трёпа, а чтоб ответить за шальные мысли, кои естественно приводят не к самым обдуманым действиям. И старик, похоже, взаправду оказался на редкость чувствительным к такого рода мыслям.

– Не надо – не уходи, – сказал он мне тогда.

– Да забей! – ответил я.

– Не знаю, что тебе приснилось, – начал он. – Ну... Когда ты... это...

– Когда это?

– Тогда. Ты знаешь.

– Допустим, – не стал я допытываться. – И допустим – приснилось.

Я был в благодушном настроении, и мне уже не хотелось докучать с расспросами пожилому человеку, почти сутки просидевшему у кровати больного, весь следующий день и всю ночь где-то пахавшему, дабы обеспечить меня необходимым, и ради моей же прихоти отдавшему всё, что у него было. Тем более я чувствовал, как неприятны ему эти расспросы, и потому уже приготовился повестись на любое вранье, на которое он был или не был способен для того чтобы расшаркаться передо мной, лишь бы я утёр свои сопли.

* * *

Однако старик, не вдаваясь в подробности, повёл себя так, как будто и без того всё и всем было понятно.

– Ну какой из меня святитель? – усмехнулся он. – Скорей это ты у нас святой.

Мне же его усмешка показалась этакой потненькой ухмылочкой. И даже не пришло в голову заподозрить в нём заправского бытового смиренничанья. Не как о рядовом я о нём подумал и понял его – как сам услышал. Тут-то мой язык и зачесался.

– Если ты об этом, – начал я. – То...

– Погоди... Ну зачем? – дед попытался меня осадить.

Какое там – погодить!

– А чё?.. – Всерьёз принялся я за свой монолог. – Да кто слышит-то!.. Ты, по ходу, и так в курсе... Знаю-знаю, что в

курсе!.. Но перетереть надо... Заметь, ты сам начал... Я же слушал твои плотские мудрования!.. Стоп!.. Учитывая последние новости... Кхе-кхе... Ну... Оттуда... – Я закатил глаза. – Не такие уж они и плотские... Да они и никогда у тебя не были плóтскими!.. Ведь ты ж поди... – Снова закатил. – И коль речь пошла о святости... Не, ну конечно!.. Вряд ли у кого повернётся язык называть это чем-то святым – особенно в мире сем... Да и я не посмею!.. – Включив на секунду смирение, я отчаянно ударил себя в грудь. – Но ты, дед, пойми – ведь ты же всё можешь понять!.. Ведь я ж... Хм! Прикинь... До неё – ни с кем, ни разу.

– Эд, – умоляюще посмотрел на меня дед.

Но язык без костей и его уже было не остановить. Да в языке ли суть?

Глава седьмая

А по сути, я ему тогда поведал обо всей своей жизни.

– И даже в гапе, прикинь! Даже в гапе!.. Ведь ты же знаешь, что такое – гап?

Так пацаны называли училище, в стенах которого... Хм, эту фразу – в стенах нашего училища – директор ежедневно, да не по разу, любил повторять на линейке.

В общем, суть моего рассказа сводилась к какой-то неизлечимой мути.

– Вот такая она – муть моего рассказа! Ни разу: ни – до, ни – после... Да и в самый момент!.. – И с горечью махнул рукой.

* * *

Рассказал, как мама в юности оберегала меня от разных, что называется, искушений. Как прожил жизнь под её строгим надзором до сорока полных лет.

– А ведь влюбчив был, подлец! – донимал я своими рассказнями до зела присмирившего соседа. – Первый раз ещё дошкольником втюрился в одну красотку. Так по ней тогда все – от первоклашек до памперсников – бедняжки чахли. В туберкулёзном санатории... М-да... Ха, вот почему, навер-

ное, они так долго исцелялись! – расхохотался я – Ну, и в школе, конечно... И – где бы ни работал... И даже в церкви... Но не поверишь – ни-ни! Даже не целовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.